

Меня зовут Алеша, и нам задали про дедушку, и я пошел спросить. Сам точно не помню, только что Ба рассказывала о командире. Он был партизан и его схватили белые где-то под Нижнеудинском. Схватили и расстреляли, осталась одна папаха, а тело бросили под охраной на автомагистрали. И бабушка (пра-пра) проползла на животе и украла тело. А потом они отвезли его к бурятам на метро и подмывали раны водкой, а он закашлялся и оказалось, что его не до конца расстреляли, и он жив.

Я не очень помню, поэтому пошел узнать, но мама сказала: «Посмотри на фейсбуке». Фейсбук — это такое сетевое кладбище. Много смайлов и пушистых хештегов: *#жить*, *#загораться*, *#любить*.

Только все давно умерли.

Я ввожу пароль.

Дед (пра) не похож на себя. Нет папахи и лицо топором задумчивое. Фоточки все цветные, не черно-белые, а посты в основном под замком. Почему-то все про 2019-й. Я не знаю, почему. Копирую и вставляю как есть.

08.03.2019

подзамочная

Моя любовь открывает глаза утром, и я смотрю на нее сквозь щели инсты. В лучах эмодзи она особенно хороша, но я боюсь потревожить ее назойливым лайком. Остается тапать по экрану, запоминая каждый кадр. Сегодня я отправляюсь на войну. Я выбираю самые счастливые фото, где я с улыбкой, во славе и смелости, и размещаю их с хештегом *#всехлюблю*.

Боже, как же хочется умереть.

Вот воспоминание. Я вступаю в ряды партизан.

Торжественно клянусь, размещая его...

08.03.2019

открытая для всех

На набережной реки Арно, да... это было на набережной Арно.

Мы сидели у моста Понте-Веккьо, свесив ноги и наблюдая, как солнце преломляется в мутной воде. Я не сразу заметил — они пришли чуть позже: мальчик, на вид лет двенадцати, и девочка, выше на голову, оформившаяся и темноволосая. «Старшая сестра?» — подумал я.

Прижавшись к самой опоре моста, они трогали шершавый флорентийский камень и смотрели на воду, когда возник негр. Лопоча, словно радостная маримба, по-итальянски, он протягивал им что-то блестящее. И девочка, достав кошелек, серьезно отсчитала ему монетки, а негр, пританцовывая, вручил ей сверкнувший подарок. Вручил — и исчез.

Я увидел, как, склонившись друг к другу, дети прошептали какое-то заклинание. Тихое и долгое. А потом мальчик, перегнувшись через парапет, потянулся, едва не падая — казалось, он упадет — к связке замков, что стальной гроздьёй была пришпиlena к мосту. Секунда — он защелкнул дужку, а девочка, взмахнув, выбросила ключ.

Сверкнув, он скользнул в воду.

На набережной реки Арно они поцеловались.

Мы сидели, свесив ноги, у моста Понте-Веккьо, наполненные счастливой усталостью. Я смотрел, как свет струится по зеленоватой воде, но мне отчетливо вспоминалась совсем другая река. Прозрачная и глубокая — великая река за семь тысяч километров отсюда. За много лет от меня, почти недостижимая.

Совершенно другая река и совсем другой мост...

01.04.2019

подзамочная

Выходишь из инсты на улицу, а на улице только ветер и снег. Снег торопится весной и тает на щеках, горячих щеках, да царапает губы. Я обветрил губы этой весной. И если глядеть на «Аврору», то особенно холодно, и ее корпус из темного металла неумолимо зловещ на фоне Нахимовского училища. Что-то тлеет в нем застенной силой, и пылают ночами на набережной тусклые огни. На Болтах грязь. На Ваське студенты кутаются в куртки, как озябшие собаки, и только Техноложка полна гула и грохота отъезжающих поездов. Я вдыхаю ее креозотовый запах, и мне становится легче.

Допишу завтра.

01.04.2019

подзамочная

Она поставила лайк.

02.04.2019

подзамочная

Их много, но в их толпах, как писал Кормильцев, есть и мы — партизаны. Городские партизаны. У нас один маузер на троих, но он стреляет кусочками позвоночника.

А девочки в вагоне пишут сториз и смеются с невообразимой скоростью. Пока я открываю профиль, они впечатывают с десятков постов. Трассирующие пули видосов прошивают сеть, отражаясь кругами в ленте, но не попадают в меня.

В ее инсте цветы.

24.04.2019

открытая для всех

Ты милый

Ты самый хороший

Редактор

Сказала она.

А я болт

Положил на трактор

И поехал

Не знаю куда.

15.06.2019

подзамочная

В сети только лето и цветы. Она путешествует по Монголии. Щели инсты узки, и я успеваю заметить, как остроумен ее друг.

Что-то теплое сочится из-под бурки, и я надеваю ролики.

15.06.2019

открытая для всех

Покатали отлично!

15.06.2019

подзамочная

Мне нечем ответить — летний Питер душен, я застрял в нем, как муха между стекол. Пространство наполняется жаром, и я сижу в потном вконтакте, выскивая новый трек.

16.07.2019

подзамочная

Мы — партизаны, глядящие из-под вывернутых тулупов в сеть. Пахнущие рогожей и уксусом. Наши выстрелы редки, и те глядят наружу потоками исключительного счастья.

Вот моя бомба. Ну!

16.07.2019

открытая для всех

А я пытался понять, что такое блюз.

У нас было два талона на бесплатное пиво, порывы с залива и семь часов блюза. Кто-то здесь продал душу. Мы пришли услышать процент с продажи. «О, бейби-бейби», — стонали музыканты, а пол трещал от танца. Стремительного и медленного — я овладел медленным, научившись подныривать под женскую руку. Кисть не слишком высоко, ткань, сверкнувшая по лицу, и полет. Было совсем темно, когда очередь за сосисками закончилась, а сцена все гремела и выла.

Стало совсем темно, а я так и не понял. Мне кажется (веришь?) — если надрезать горло, чуть пониже кадыка, то можно увидеть, как хрипит, струится по трахее музыка.

Может быть, это и есть блюз.

27.07.2019

подзамочная

Значок сообщения. Щурясь, округлый вестовой отдает честь.

Знакомая аватарка, и я долго хожу по землянке, размышляя. Наконец, спрятав письмо, я перекатываюсь из траншей фейсбука в уютный вконтактный угол. Лампы мерцают, и мне приходится долго пролистывать ленту. Лента пестрит калибром 7,62, и, обмотавшись накрест, короткими перебежками я бросаюсь в инст... Здесь ничего и можно жить... Здесь ничего и все еще лайкают рябчиков, а башмаки этих господ пропитаны пудрой...

Нет. Нет...

Я устремляюсь дальше, и только в теплой тине ЖЖ достаю из теплоты под рубахой весточку.

«Сколько ты написал за последнее время... — улыбается она. — Мне нравится!».

Ветер доносит далекие разрывы. Лошади стонут в тени, и пот сочится из пор, проступая на гимнастерках. С легким стрекотом в небе проплывает аэроплан, и мы жмемся к деревьям, скрытые лесом.

«А пойдём во вторник в музей, — набираю я. — На Кабакова...»

Разрывы ближе, и трепетные наши тела пробивают дрожь. Мое лицо облупилось от солнца. Я утираю сажу со лба, и она сходит красными лоскутами. В ладони сочится брусничный цвет.

Мы ждем сигнала.

Все затихает. Лес томится в полуденном солнце, как баба на лугу. Вдруг едва заметным «тилинк» приходит весть.

«Давай!», — пишет она.

И партизанская конница, прикрытая стрекотом тачанок, врывается, оголяя красные рты, в поселок. Враги бегут, бросив раненых, и мы доканчиваем их шашками, не сняв с воза.

30.07.2019

подзамочная

В городе ветрено. Питер, о Питер! Твоя великая дробность, вытянутые колоннады, пахнущая сталью Нева, камень набережных и тяжелые крылья-мосты. Мы надеваем куртки, скрываясь в людских потоках. Холодное лето. Поднимаясь по эскалатору, я чувствую твоё дыхание.

Мне страшно.

Завтра мы снова увидимся.

31.07.2019

подзамочная

С утра, умывшись ледяной водой, я надеваю рубаху из белого сукна. Сапоги мои пахнут кожей. Выбрит, выбрит красно, и свежий плей-лист подгружен в ушах из облака. Две станции до нее, две станции...

Распахнув экран, я вижу вестового.

«Сегодня не могу», — написано ее рукой.

Закаленное стекло исцарапано, и я подношу его ближе к лицу.

«Сегодня я не смогу. Сорян», — пишет она.

05.08.2019

подзамочная

День тонет в пыли, и что-то посвистывает над головой. Нас прижали к путям. Я лежу, и щебень врезается в грудь пониже сплетения. Я посылаю гонцов, и они исчезают в овраге по ту сторону. Вчера мы повстречали вестового. Он висел на дереве. На его щеках были вырезаны звезды.

Я посылаю гонцов, и они исчезают в пыли.

Землю бросает вверх вместе с обломками рельсов. Цепь прорвана, и мы прыгаем в балку, заросшую влажной травой.

Темно и влажно.

Она ничего не пишет.

05.08.2019

открытая для всех

А помнишь — субарь, двести шестьдесят кобыл и две турбины. Когда включалась вторая — нас уносило в космос. Ругались — я ехал на красный, а сзади догоняли менты. Нас заносило — лед на Новом мосту. Остров «Юность» в снегу и пустой тьме. И можно было проехать в ночь по пешеходным дорожкам. Фары гасли. Субарь рычал, тихий и мирный, наш добрый зверь. Жарко, жарко в салоне, и стонала Земфира. С тех пор я помню все ее песни. Когда становилось слишком, мы выходили до минус тридцати.

Нас заносило — я помню все ее песни до минус тридцати.

10.08.2019

подзамочная

Конвой, развалившись на привале, лениво печет картошку. Горячие, наполненные крахмалом бока покрыты золой. Я прижимаю к виску обмотку. Она вымазана красным. На лихих тачанках проезжают девочки. Они стрекочут телами и клипами.

Тревожно в воздухе.

Я не знаю их музыки, не знаю слов.

Конвой поднимается, и нас снова ведут куда-то. Окровавленные кони бьются в пыли, и небо застит дымами горящих хат...

01.09.2019

подзамочная

Я стою на рассвете, и сонное дуло смотрит ко мне в лицо.

Я приближаю экран — на фоне моря она обнимает чужие плечи.

Кто-то отдает команду, и ствол раздувается чернотой. Загорелое лицо, такое знакомое. Немного усталая улыбка. «#Таврида #счастье #самыйлюбимыйчеловек», — читаю я.

Выстрел.

Выстрел.

02.10.2019

подзамочная

Двери закрываются, и нарастает вой. Я сижу, заваливаясь на бок, а кто-то, свесившись с поручня, придерживает меня. Тонкие руки поглаживают по щекам, а пальцы, проникая в дыры от пуль, промывают их водкой. Все плывет, и в мутной воде я вижу экраны. Они смотрят в экраны, и каждый озарен светом. Их зрачки расширены, а сети пестрят отражением счастья. Откуда у них столько счастья? Вагон трясет, мы несемся в черном туннеле. Что-то саднит в гортани, и грудь сжимает кашлем. Я нажимаю на кнопки, чтобы удалить, но даже это они делают быстрее.

Удалить...

Вагон дрожит, и кто-то промывает дыры от пуль водкой.

Санкт-Петербург